

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.532-547>

EDN: EVIYJE

Муса Бигиев и его современники о состоянии системы мусульманского образования

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

khaidar67@mail.ru

Резюме. Статья знакомит со свидетельствами и размышлениями выдающихся мусульманских интеллектуалов Российской империи о неадекватном вызовам времени Модерна состоянии образовательного процесса в мусульманских учебных заведениях России и мусульманского зарубежья на рубеже XIX–XX вв. Автор статьи прослеживает историю формирования мусульманского образования среди татарского населения Российской империи с эпохи принятия ислама Волжской Булгарией. Анализ связей с различными образовательными центрами Средней и Центральной Азии демонстрирует специфику формирования общей для всех мусульман российской цивилизации системы образования. Представленные в тексте многочисленные источники и свидетельства татарских интеллектуалов-мусульман, проходивших обучение в татарских исламских образовательных учреждениях первой и второй ступени в конце XVIII – начале XIX вв., позволяют детально рассмотреть и оценить недостатки и устаревшие принципы методов обучения учащихся мусульман – шакридов. Фрагменты писем, воспоминаний, публицистических статей в татарских печатных СМИ таких известных татарских общественных деятелей, как М. Бигиев, Г. Курсави, Ш. Марджани и К. Насыри, Р. Фахретдин, С. Айни, Г. Идриси демонстрируют актуализировавшийся в татарском обществе того времени тренд на преодоление средневекового догматизма и схоластики в образовании молодежи. Развитие научно-технического прогресса, формирование буржуазного слоя в татарском обществе актуализировало ценность свободомыслия, которое напрямую соотносилось с важностью развития татарской теологической мысли: глубоким изучением богословских предметов – толкования Корана, предания о Мухаммеде и исламского правоповедения. Информация, содержащаяся в представленных материалах, сохраняет свою актуальность и в наши дни, поскольку, с одной стороны, позволяет учитывать ошибки прошлого, а с другой – может и должна быть использована в процессе организации и содержательного наполнения образовательного процесса в существующих и создаваемых мусульманских учебных заведениях в Российской Федерации.

Ключевые слова: Айни, Бигиев, Идриси, Фахретдин, мектеб, медресе, мусульманская образовательная система, схоластика, кадимизм, джадидизм.

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. Муса Бигиев и его современники о состоянии системы мусульманского образования. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 532–547. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.532-547> EDN: EVIYJE

Musa Bigiev and his contemporaries on the state of the Muslim education system

A.G. Khairutdinov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

khaidar67@mail.ru

Abstract. The article introduces the testimonies and reflections of outstanding Muslim intellectuals of the Russian Empire on the state of the educational process at Muslim educational institutions in Russia and among the Muslim expatriate community at the turn of the 19th–20th centuries, which was inadequate to the challenges of the Modern era. The author of the article traces the history of the formation of Muslim education among the Tatar population of the Russian Empire back to the era of the adoption of Islam by the Volga Bulgaria. An analysis of connections with various educational centers in Central and Central Asia demonstrates the specifics of the formation of an educational system common to all Muslims of the Russian civilization. The paper presents numerous sources and testimonies of Tatar Muslim intellectuals, who were trained at Tatar Islamic educational institutions of the first and second stages in late 18th – early 19th centuries. The materials allow us to examine in detail and evaluate the disadvantages and outdated principles of teaching methods for shakirds, Muslim students. Fragments of letters, memoirs, publicistic articles in the Tatar printed media of such famous Tatar public figures as M. Bigiev, G. Kursavi, Sh. Marjani, K. Nasyri, R. Fakhretdin, S. Ayni, and G. Idrisi demonstrate the tendency, which became relevant in the Tatar society at that time, to overcome medieval dogmatism and scholasticism in youth education. The development of the scientific and technological progress and the formation of a bourgeois layer in the Tatar society actualised the value of free thinking, which directly correlated with the importance of the Tatar theological thought development: a deep study of theological subjects – the interpretation of the Koran, the tradition of Muhammad and Islamic jurisprudence. The information contained in the presented materials remains relevant today, since, on the one hand, it allows us to take into account the mistakes of the past, while, on the other hand, it can and should be used in the process of organising and content-filling the educational process at existing and future Muslim educational institutions in the Russian federation.

Keywords: Ayni, Bigiev, Idrisi, Fakhretdin, mekteb, madrasah, Muslim educational system, scholasticism, Kadimism, Jadidism.

For citation: Khairutdinov A.G. (2024) Musa Bigiev and his contemporaries on the state of the Muslim education system. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 532–547. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.532-547> (In Russ.)

В истории татарского народа в целом, и в истории татарского национального образования, в частности, начиная уже с болгарского периода (X в.) вплоть до 1917–1918 гг. особое место занимали религиозные образовательные учреждения начальной и средней ступени – мектебы и медресе, а учебный процесс в них ставил целью привитие учащимся религиозных знаний. Свидетельство о существовании в Волжской Булгарии развитой сети мусульманских

учебных заведений оставил Ибн Руста¹, который писал, что большинство населения Булгарии являются последователями ислама, и что в болгарских селениях имеются мечети с муэдзинами, имамами, а также школы (Известия о хозарах..., 1869: 23). Религиозно-образовательная система существовала и в период Казанского ханства (Горохов, 1941: 141). После падения Казанского ханства и ликвидации татарской государственности система национального религиозного образования была утрачена, и татары, желающие получить соответствующие знания, были вынуждены уходить на Кавказ или в Среднюю Азию. Местная классическая образовательная среда стала восстанавливаться на рубеже XVII–XVIII вв. (Медресе г. Казани..., 2007: 4), т.е. спустя около полутора веков, прошедших с 1552 года. Главную роль в этом играли абызы (букв. люди, знавшие Коран наизусть от арабск. термина хафиз), многие из которых возвращались в родные края после прохождения религиозных штудий за пределами русских владений.

Начиная с самой древности в мектебах, которые можно назвать начальными школами, учащимся давались азы грамотности и знания по основам религии, тогда как в медресе, выполнявших роль религиозных училищ, давались более широкие знания по религиозным дисциплинам, арабскому языку, логике и ряду других наук. Со временем сеть мектебов и медресе выросла в количественном отношении и стала охватывать основную массу татар в местах их компактного и диаспорального проживания в деревнях и городах, рассеянных по просторам Российской империи. Например, в Казанской губернии в 1891 г. работало 526 мектебов и медресе (без учета таковых в самой Казани), в 1902 г. – 756 из них 6 – в Казани), в 1913 г. – 1067 (из них 26 в самой Казани, где 20 были старометодными, 6 – новометодными (Медресе г. Казани..., 2007: 8). Помимо количественных показателей, приведенные данные отражают устойчивую динамику роста числа татарских учебных заведений во времени. Что касается количества учащихся, то, к примеру, в 1913 г. в 1067 религиозных учебных заведениях татар Казанской губернии обучалось 80855 человек. При этом на 11 татар приходился 1 учащийся и одна школа на 76 учащихся (Вэлиуллин, 2016: 60–62). Это было самое высокое соотношение в стране, поскольку даже у русских, обучающихся в финансируемой государством образовательной системе, соотношение школа/население было гораздо ниже, и одна школа приходилась на 1500–300 человек (Рахимкулова, 1998: 43).

Поскольку подобные учебные заведения, вкуче с образованием в рамках семьи, представляли собой единственную возможность получения образования татарами, то они рассматриваются нами как уникальный феномен, который мы и называем национальной (татарской) системой религиозного образования. Ос-

¹ Ибн Руста (Абу Али Ахмад ибн Умар ибн Руста; 2-я полов. IX в. – начало X в.) – арабоязычный путешественник и географ (в российской дореволюционной литературе – ибн Даста). По происхождению иранец. В конце IX в. – начале X вв. совершил путешествия по Малой Азии, Закавказью, Хазарии, Волжской Булгарии, посещал Хиджаз, Йемен и другие регионы Аравии.

новой чертой данной системы до определенного периода времени являлось доминирование религиозных дисциплин и ряда других наук, выполняющих вспомогательную, т.е. обслуживающую религиозные предметы, функцию. Что касается изучения татарами светских дисциплин, то до начала рассматриваемого нами периода конца XIX – начала XX вв. необходимости в этом не было. Система татарского религиозного образования полностью копировала оную, практикуемую у мусульман Кавказа и Средней Азии (Бухара, Хива, Самарканд), если говорить об окраинах Российской империи, и, согласно свидетельству М. Бигиева, не отличалась от содержания религиозного образования во внешнем мусульманском мире (Османская империя, Центральная Азия, Индия).

Между тем, еще в 70-е годы XVIII в. с призыва муллы Мурата о необходимости обновления ислама (Исхаков, 1997: 9), у татар началась эпоха, когда по объективным причинам, все острее и острее стала осознаваться потребность в расширении сетки преподаваемых в медресе дисциплин за счет включения в нее светских наук. В конце XVIII в. татарский теолог Габдуннасыр Курсави (1776–1812) выступил против существующего положения вещей, призывая открывать концептуально новые медресе и вести в них обучение согласно запросам свободного мышления (Вәлиуллин, 2016: 55). Новый тренд последовательно поддерживали ровесник Курсави Габдуррахим Утыз-Имяни, Ш. Марджани и Г. Насыри. Однако в этот момент дали о себе знать драматические нюансы внутрисосисийских реалий, в условиях которой татары априори не имели возможности основывать национальные училища, техникумы, институты и университеты, в которых преподавались бы не религиозные науки. При этом крайне мало татар имело возможность получать светское образование в линейке государственных учебных заведений. В сложившихся условиях, начиная с последней четверти XVIII в., в национальной системе образования начал формироваться методологический раскол, представленный наличием с одной стороны традиционных (кадимистских, т.е. старометодных) медресе, строго хранящих освященные веками устои, содержание учебного процесса и, в целом, философию образования, и т.н. джадидских, т.е. новометодных медресе – с другой.

Возникновение сети медресе второго типа, по большому счету, было вызвано социально-политическими и экономическими условиями существования татарского народа, на которое не могли не оказывать влияния процессы, происходящие в российском обществе. Не имея возможности строить собственную систему светского образования, татарские активисты были вынуждены использовать уже имеющуюся систему религиозных учебных заведений, в отличие от тактики османского правительства, которое, оказавшись в той же ситуации, стало основывать высшие светские учебные заведения (военные, инженерно-технические, государственной службы). Татары были вынуждены, по мере возможности, реформировать традиционные медресе и/или создавать с нуля новые медресе с преподаванием в них светских, т.е. естественных, точных и гуманитарных наук, наряду с религиозными. Процесс перестройки образовательных парадигм даже в рамках медресе имел огромное социокультур-

ное значение и определял будущее татарского народа. Муса Бигиев написал об этом следующее:

Божье благословение нашего движения ... начинается с алфавита, мектебов, медресе и воспитания детей. Это одухотворяющее Божье благословение оказалась весьма благодатным: за короткое время во многих местах были открыты новые реформированные учебные заведения, ставшие замечательным примером. Позднее, вольно или невольно, бóльшая часть оставшихся учебных заведений последовала этим примерам. В стенах мектебов и медресе, в среде шакирдов, муаллимов и имамов начался мощный процесс пробуждения. В среде российских мусульман повсеместно получила всеобщее распространение страсть к учебе, преподаванию и писательскому труду. Таким образом, с благодатным Божьим благословением мы начали наше движение с самых его основ и в наилучшей форме. Пусть процесс и развивался медленно, но, все же, мы шли правильным и прямым путем. И если мы взглянем на пробуждение, начавшееся в нашем народе, и на признаки пробудившихся устремлений и желаний, то можно питать еще большие надежды по поводу того, что в дальнейшем наше движение ускорится и будет приносить еще более прекрасные плоды. После этого, ин шалла Аллах, будет постоянно увеличиваться количество реформированных начальных мектебов. ... и в деревнях, и в городских махаллях будут создаваться прекрасные начальные мектебы. Наши дети... будут массово обучаться в русских школах и западных колледжах... в дальнейшем, до сотен и тысяч возрастет количество наших студентов ... использующих... полученное в отечественных университетах и институтах, а также в западных учебных заведениях, знание и воспитание. И несмотря на то, что двадцать-тридцать миллионов наших мусульман не имеют национальной средней школы, тогда как в каждом маленьком русском городке имеется три-четыре средние школы, в дальнейшем, благодаря массе готовящихся учителей, у нас стараниями самого народа ... начнут создаваться средние национальные школы. И если мы в течение дальнейших двадцати-тридцати лет будем постигать науки, получать образование и перенимать промышленность в западных школах и колледжах, то ... будут подготовлены глаза, видящие наши национальные потребности, будут подготовлены руки, которые будут служить нашим национальным интересам, и будут подготовлены все силы, необходимые для того, чтобы сдвинуть с места груз наших национальных проблем. Возможно, тогда мы сможем занять место в одном ряду с самыми цивилизованными нациями наших соотечественников (Бигиев, 1912: 71–7).

Важнейшей предпосылкой появления джадидских медресе была остро осознаваемая определенными кругами татарских интеллектуалов необходимость перестройки парадигмы преподавания религии и связанных с ней дисци-

плин. М. Бигиев не только одобрял и приветствовал начавшийся процесс реформирования системы национального образования, но и указывал на недостатки этого движения. Например, он подчеркивал ошибочность такого подхода, когда джаиды либо стремились полностью отказаться от преподавания религиозных дисциплин, либо же, оставляя преподавание религиозных дисциплин в их неизменном виде, фокусировались только на вопросах внедрения в программы медресе и преподавания светских предметов и наук. Именно по этой причине Бигиев не относил себя к числу джаидов, и вообще, он был одним из немногих татарских интеллектуалов, которые последовательно выступали за глубокое реформирование преподавания религиозных наук, как в содержательном, так и в концептуальном аспектах, выступая в этом деле продолжателем идей Г. Курсави, Ш. Марджани и К. Насыри.

К своему видению образовательной реформы М. Бигиев пришел не с чистого листа, но отталкиваясь от богатого личного опыта непосредственного обучения в традиционных медресе мусульманского мира. А его опыт свидетельствовал о том, что методика преподавания религиозных наук в системе образования не только татар в России, но и других мусульманских народов в зарубежных странах, была глубоко ущербной, плачевной и бесперспективной, если не сказать вредной и губительной для самих мусульман. Он писал:

В религиозных медресе не осталось и следа от ислама. В медресе Туркестана и Индии, в которых образовательный процесс длился на протяжении двадцати-тридцати лет, в медресе Турции с их десяти-пятнадцатилетним курсом обучения, в мечетях Аравии не было ничего, кроме чтения книг по грамматике, синтаксису, логике, каламу, философии, и не было ничего, кроме уродования прекрасной морали. Эта великая болезнь, пришедшая к нам со стороны Туркестана, из самого разрушенного источника, каким являются бухарские медресе, в наших медресе получила продолжение в еще более дурной форме. Ибо, хотя методика преподавания была все той же старинной методой, но образ жизни шакирдов был в таком состоянии, что он еще больше помогал разрушению их нравственности. Религиозные медресе были таковыми во всем мире ислама (Бигиев, 1912: 18).

Оценки Мусы Бигиева касательно состояния мусульманской образовательной системы звучат резко настолько, что возникает вопрос о степени его объективности. С целью внесения ясности в поставленный вопрос в настоящей статье приводятся свидетельства других людей, которые имели личный опыт обучения в российских и зарубежных мусульманских учебных заведениях второй половины XIX – начала XX вв.

Обзор мы начнем с позиции выдающегося татарского ученого-энциклопедиста, просветителя и педагога Габдулкаюма Насыри. Его оценка положения дел и качества образования в татарских медресе с одной стороны более чем красноречива, а с другой – служит убедительным свидетельством жалкого состояния образовательного процесса в татарских медресе и никчемности давае-

мых в них знаний. За год до смерти Насыри его посетил один почитатель – шакирд казанского медресе «Мухаммадия» Миргазиз Укмаси². В ходе беседы Насыри сказал юноше такие слова:

Наша родина общая с русскими. У них много знаний, но мы не можем ими пользоваться, поэтому отсутствие в медресе русского языка – большой недостаток. А нам нужен не арабский язык, а русский. Поэтому старайся читать по-русски, нужные знания там, братишка.

Когда Укмаси посетовал, что русский язык в медресе не преподают, Насыри резюмировал: «Если не преподают, то и учиться [в медресе – А.Х.] не нужно. (Каюм Насыри..., 2017: 512).

Из дальнейших наставлений Насыри, данных им Укмаси, следует, что он был убежден в том, что медресе не служат интересам татарского народа: «Существует же Татарская Учительская школа. Нужно учиться в ней. Для чего изучать логику? Нужно ценить молодость, нужно изучать ана теле [букв. язык мамы, т.е. родной язык – А.Х.], это же смешно и абсурдно – не зная свой язык изучать правила арабского языка» (Каюм Насыри..., 2017: 512).

Теперь перейдем к свидетельствам еще одного очевидца, получившего образование в медресе традиционалистского толка, а именно к воспоминаниям выдающегося татарского религиозного и общественного деятеля Ризаэтдина Фахретдинова (1852–1936). В своих воспоминаниях Фахретдин пишет, что однажды он был поставлен в неловкое положение вопросом своего сына, когда тот спросил его о предназначении протянутой от вершины телеграфного столба и уходящей в землю железной проволоки. В тот момент Фахретдин задумался о том, способны ли он и подобные ему другие отцы давать верные ответы на вопросы, которые им задают их дети. По сути Фахретдин в тот момент осознал, насколько низок был уровень знания окружающего мира и т.н. светских наук у людей, получивших образование в медресе, в котором он сам провел 21 год жизни в качестве учащегося, а позже – учителя-муаллима. Далее, после перечисления названий десятков книг, по которым он и тысячи другим шакирдов учились в традиционалистских татарских медресе, Фахретдин заключает: «Ни одна из книг, названия коих я перечислил, не являлась учебником... ни одна из них не является чем-то, что пробуждало бы в шакирдах любовь к исламу» (Фахретдин, 2009: 18).

Судя по воспоминаниям Фахретдина, образование, даваемое в традиционалистских медресе, было совершенно бесполезным в плане изучения и понимания окружающего мира. Увы, но вопреки многочисленным кораническим императивам, призывающим людей к изучению мира, в котором они живут, а

² Миргазиз Укмаси (Забилов Миргазиз Габдулкаюмович; 1884–1948) – татарский поэт; учился в медресе «Мухаммадия», был членом «Тайного литературного кружка» и нелегальной политической организации шакирдов «аль-Ислах», в 1907–1914 гг. учительствовал в деревне Татарские Кынады Саратовской губернии и в городе Акмолинск. Участник Первой мировой войны. В 1923–1925 гг. был муллою в родной деревне, занимался земледелием. В мае 1931 г. был арестован, осужден на 8 лет лагерей.

также вопреки выдающимся научным достижениям мусульманских ученых-естествоиспытателей средневековья, учащиеся традиционалистских, или, как их еще называют, кадимистских медресе не имели представления о том, что земной шар вращается вокруг своей оси. Другой фрагмент воспоминаний Фахретдина дает представление о том, какие идеи царили в головах шакирдов относительно формы планеты. Услышав новость о том, что земля имеет форму шара, они рассуждали седующим образом: «Если это верно, то ведь по ночам мы, подобно тараканам, ползающим по доскам потолка, должны ходить вниз головами! Как же мы не падаем, как не выливаются реки и моря?!» (Фахретдин, 2009: 23).

Из воспоминаний Р. Фахретдина об учебе в медресе можно сделать следующие выводы: отсутствовала стройная методология образовательного процесса, обучение заключалось в чтении книг, не являющихся учебниками и не предназначенных для обучения исламу, как религиозному учению и системе. В медресе не преподавался Коран, однако доминировало бездумное, некритическое заучивание наизусть его частей, отсутствовало системное обучение шакирдов науке хадиса и правоведению (*фикх*), не преподавалась общая история, в том числе и история ислама. Не было обучения татарскому и персидскому языкам.

Обратимся к воспоминаниям Садриддина Айни³ о годах его учебы в знаменитом бухарском медресе Мир-и Араб в 1890-е годы, когда там же учился и Муса Бигиев.

Айни пишет, что в бухарских медресе проходили арабский язык – морфологию и синтаксис, логику, риторику, естественные науки в богословском понимании, правила омовения, поста, похорон, паломничества в Мекку, порядок купли и продажи, правила рабовладения и освобождения рабов, правила брака и развода и тому подобные установления шариата, знание которых было необходимо при осуществлении религиозной или государственной деятельности. Что касается математики и литературы, то эти дисциплины не входили в круг обязательных предметов, но всякий желающий мог изучать на стороне, если имел средства на оплату индивидуальных занятий. Родной для Айни таджикский язык не изучался, его мог усваивать каждый как хотел – из жизни или по книгам. Айни делает акцент на том, что программа занятий и учебная литература, порядок обучения и очередность в изучении книг оставались неизменными в течение четырех или пяти столетий, с XIV века, т.е. с эпохи Тамерлана. Айни пишет:

Порядок обучения был таков, что юноша, окончив начальную школу мог остаться неграмотным... Если у юноши было желание учиться дальше, он шел к мулле в мечеть и договаривался о дальней-

³ Садриддин Айни (1878–1954) – таджикский и узбекский советский писатель, общественный деятель и учёный, автор трудов по истории и литературе народов Средней Азии. Основоположник таджикской советской литературы и один из зачинателей узбекской советской литературы.

ших занятиях. С муллой проходили книгу «Бидан». В этой книге по-таджикски, с примерами на арабском языке, изучалась арабская грамматика. Затем ученик принимался за написанную по-таджикски книжонку «Начало науки» (Бадъ аль-ма‘ариф)⁴. В ней в форме вопросов и ответов излагались основы ислама. Затем приступали к изучению арабской морфологии по книгам «Муиззи» и «Зинджани» и синтаксиса – по книге «Авамил»⁵. Ученик зубрил наизусть арабские примеры из этих книг и перевод их на таджикский язык. Затем переходил к арабской книге «Кафия»⁶, где арабский синтаксис изложен полнее... На эти занятия уходило три года (Айни, 1981: 138–139).

Со слов Айни, следующие пять лет жизни шакирда уходило на изучение книги Абдуррахмана Джами «Шарх-и Мулла», толкующую арабский синтаксис «Кафия» Занятия по этой книге проходили под руководством более опытного муллы, тогда как его помощники давали ученикам книгу по логике – «Шамсийа»⁷. После «Шарх-и Мулла», в течение года изучались толкования к «Шамсийи» по книге «Хашийа-и Кутби»⁸, догматика пол книге «‘Ака’ид Насафи»⁹, затем в течение четырех лет ученики изучали толкования к «‘Ака’ид Насафи», написанные имамом Тафтазани¹⁰. После этого два года изучали логику и метафизику (в ее религиозном понимании) по книге «Тахзиб»¹¹, а затем еще два года изучалась книга «Хикмат аль-‘айн»¹², в которой излагались «сверхъестественные» науки. Наконец, еще два года изучали богословский трактат «Мулла Джалал»¹³. Айни отмечает также и то, насколько неэффективны были временные затраты на усвоение учебного материала:

...немногие часы занятий тратились бессмысленно. Например, ученик проходил текст «Шамсийи» с помощником учителя. Затем с

⁴ «Бад’ аль-ма‘ариф» – небольшой трактат по основам акиды (калимату-т-таухид, калиматуш-шахада, форма провозглашения веры в Аллаха, в ангелов, писания, посланников, в Последний день, в предопределение-такъдир, хадис об обучении вере-иману (всего 16 страниц в казанском издании 1908 г.)).

⁵ «Авамил» – сочинение по арабской грамматике Абдулкахара Джурджани (ум. 1080).

⁶ Кафия – учебный трактат по арабской грамматике Ибн аль-Хаджиба (ум.1249). Полное название «Кафия фи ан-нахв».

⁷ «Шамсийа» – учебник по логике Наджмаддина Умара аль-Казвини аль-Катиби (ум.1276). Полное название «Ар-Рисаля аш-шамсийа фи аль-каваид аль-мантикия».

⁸ Разъяснительный трактат по логике к «Шамсийи».

⁹ «‘Ака’ид Насафи» – вероучительный трактат Наджмиддина Абу Хафса Насафи (1068–1142).

¹⁰ Тафтазани (Са‘дадин Мас‘уд ибн ‘Умар ат-Тафтазани; 1322–1390) – исламский теолог тюркского происхождения, видный представитель позднего калама, автор сочинений по логике, юриспруденции, поэтике, грамматике, математике, риторике и коранической экзегетике, которые пользовались популярностью в качестве учебных пособий.

¹¹ «Тахзиб» – трактат бухарского богослова Садиддина Тафтазани (ум. 1381).

¹² «Хикмат аль-‘айн» – сочинение философа Нджмиддина Умара аль-Казвини аль-Катиби (ум.1276).

¹³ «Мулла Джалал» – комментарий Джалаладдина даввани (ум. 1502) к «Акаид».

ним же или с учителем он повторял этот текст для занятий со старшим учителем. И этот же текст перечитывал еще с одним, а то и с двумя старшими учителями. Так и тут один час превращался в три или четыре часа чтения одного и того же текста. Текст, который прочитать и разобрать можно было за один час, отнимал четыре часа занятий и четыре часа хождения от учителя к учителю, на ожидание и на возвращение домой. Восемь часов – весь зимний день – уходило на то, что можно было сделать за один час (Айни, 1981: 139).

Давая общую характеристику содержанию обучения, Айни делится следующими откровениями:

Можно представить, насколько невежественны были грамотеи-богословы этих мест, если они даже не замечали, что в бухарских медресе попросту не изучались никакие богословские предметы, кроме метафизической риторики и средневековой схоластики, ибо такие необходимые для мусульманского богослова предметы, как толкование Корана, предания о Мухаммеде и правоведение ислама, могли изучаться лишь по инициативе самих учащихся в частном порядке, а большинству учеников это не было доступно (Айни, 1981: 139).

Известно, что бухарские медресе пользовались огромной популярностью у татар, поскольку считались очагами истинного знания, а бухарские богословы – наиболее знающими. Можно предположить, что если какой-либо татарский юноша получал там образование, то в глазах соплеменников он, несомненно, становился знатоком ислама. То же самое наблюдалось и у таджиков и узбеков. Этот момент нашел отражение и в воспоминаниях Айни:

Если скажу, что официальный курс девятинадцатилетнего обучения в бухарских медресе не давал никаких результатов, читатели могут мне не поверить и обвинить в обмане. Чтобы подтвердить такой вывод, достаточно несколько примеров. Восемь лет ученик тратил на усвоение арабской грамматики. А ведь известно, что на изучение какого-либо языка, если им прилежно заниматься, достаточно двух лет. Бухарцы же в своих медресе за восемь лет выучивали лишь несколько легких арабских фраз и правильное произношение арабских слов при чтении (Айни, 1981: 141).

В качестве свидетельства крайней неэффективности методики обучения арабскому языку в воспоминаниях Айни освещается история формирования корпуса комментариев к лингвистическому трактату «Кафия» Ибн аль-Хаджиба. Первым комментарий к нему написал Абдуррахман Джами и назвал его «Шарх-и Мулла». Его современник Мулла Исамиддин¹⁴ вступил в схоластический спор с Джами и написал по этому поводу свое критическое толкование к «Шарх-и Мулла». В ответ на это, один из учеников Джами – Мулла Абдулга-

¹⁴ Мулла Исамиддин (1536) автор толкования к «Кафия».

фур Лори¹⁵ написал заметки на полях книги «Шарх-и Мулла», защищая Джами от нападок Исамиддина. Эту работу развил ученик Муллы Абдулгафура – Мулла Лябиб. Он толковал Джами и Абдулгафура, язвительно опровергая Исамиддина. Наконец, в XVII веке Шариф Бухараи¹⁶ написал к «Шарх-и Мулла» подробное толкование, где собрал все существовавшие до него толкования и попытался найти в них истину. Резюмируя подобные полемические баталии, Айни подчеркивал, что целых пять лет своей жизни каждый из шакирдов тратил на изучение всех этих толкований и на бесконечные препирательства по поводу правильности или заблуждений всех предшествующих толкований (Айни, 1981: 142).

Может возникнуть вопрос, как стало возможным, что несмотря на крайнюю отсталость и неэффективность мусульманской образовательной системы в Российской империи, среди татар время от времени все-таки появлялись выдающиеся религиозные ученые, богословы и философы, как, например, А. Курсави, Ш. Марджани, М. Бигиев и многие другие? Ответ на этот вопрос у С. Айни выглядит следующим образом:

И все же, некоторые окончившие бухарские медресе были образованными людьми. Правда, такие люди были столь же редки, как плодовые деревья в солончаковой пустыне. И не в медресе накапливали они знания, получали их не в зубрении программы и ведя схоластические споры. Нет, знаниями они овладевали благодаря исключительным способностям, настойчивости, упорству (Айни, 1981: 143).

Ниже будет показано, что яркой иллюстрацией к этим словам Айни является фигура самого Мусы Джаруллаха Бигиева.

Далее мы перейдем к воспоминаниям Галимджана Идриси¹⁷, в которых он описывает положение дел в области мусульманского образования в бухарских медресе. В 1909 г. в османском журнале он опубликовал «Сират-ы мөстәкыйм» небольшую заметку под названием «Бохарада тәхсыйл» (Религиозное образование в Бухаре), которая, в контексте нашей темы, представляет собой ценный источник информации. Ниже приводится отрывок из упомянутой статьи в переводе на русский язык:

¹⁵ Абдул Гафур Лори (ум.1506) – известный философ и ученик Абдурахмана Джами, написавший подробную биографию своего учителя и комментарии к его произведениям.

¹⁶ Шариф Бухараи (ум. 1697) – таджикский ученый и поэт Мир Мухаммад Шариф Хусайн ас-Саддики Бухараи, служивший мударрисом в бухарских медресе. Автор работ по фикху и суфизму.

¹⁷ Галимджан Идриси (Галимджан Ибрагимович Идрисов; 1887–1959) – татарский журналист, религиозный и общественный деятель. В 1914–1915 гг. редактор журнала «Тюрк йурду», с 1915 г. жил в Германии, в 1916–1922 гг. служил имамом в лагере военнопленных Вюнсдорф, в 1922–1924 гг. официальный представитель Бухарской Народной Советской Республики в Германии, один из основателей и активных деятелей «Общества помощи российским мусульманским студентам» (1918–1924 гг.), после Второй мировой войны перебрался в Каир и служил переводчиком у короля Египта Фарука I. Работал в штаб-квартире Лиги арабских государств, основанной в 1945 г.

Не думайте, что прочитанное вами под этим заголовком доставит вам удовольствие. Напротив, приготовьтесь познакомиться с очень горькими истинами. В течение семи веков прошедших с того момента как жители Бухары имели честь принять религию ислам в начале второго века хиджры до конца восьмого века хиджры, они сослужили огромную службу для религиозных и светских наук. Из их числа появилось множество благословенных мужей, таких, как Мухаммад бин Исмаил, Абу Наср Фараби, Шайх Раис, Умар Насафи и Али Паздави, которые являются настоящей гордостью не только исламского мира, но и всего человечества. Они послужили формулированию правил арабского языка, называемому «Матерью языков» (Умм аль-алсина) и арабской литературе больше, нежели сами арабы. Они приложили силы и усердие в деле собирания, систематизации и кодификации основ ислама (усул-ы исламият) и ответвлений ислама (фуруг-ы исламият) больше, чем все остальные мусульмане. Благодаря их рвению появилась важная часть трудов, посвященных социальной философии и философии этики, которые, будучи переведенными на европейские языки, были восприняты в качестве руководства по достижению благополучия. Даже в науке медицины и астрономии они ушли далеко вперед по сравнению с современными им племенами. Факт возведения внуком эмира Тимура мирзой Улугбеком в Самарканде первой в мире обсерватории представляет собой неопровержимое и прекрасное доказательство в пользу нашего утверждения.

Однако ближе к концу восьмого века хиджры наследники, пришедшие на смену этим благодатным предкам, увлекшись науками логики, калама и дискуссий, настолько взрастили количество споров и яростных дискуссий по этим наукам, что стали отдавать все свои силы написанию бесчисленных томов, касающихся этих диспутов. В итоге, они перестали находить время не только для занятий другими, переданными в их руки благодатными предками, науками с целью их дальнейшего естественного развития и углубления, но не могли найти время даже для занятий такими фундаментальными науками, как тафсир и хадис, являющимися основой наших религиозных знаний.

Таково нынешнее состояние Бухары, которая в свое время по праву заслужила имя Священная Бухара (Бохара-и Шәриф), поскольку являлась источником знания и достоинства в те века, когда она даровала многочисленные блага, обрела славную историю и являлась важной частью исламского мира (Эл-Идриси, 1909).

Теперь вновь обратимся к воспоминаниям Мусы Бигиева. Этот выдающийся татарский интеллектуал и неординарный религиозный мыслитель имел опыт обучения в традиционалистском медресе Касимия в г. Казани, в бухарском медресе Мир-и Араб. Его воспоминания ценны также тем, что его опыт учащегося-шакирда не ограничивается только российскими медресе, поскольку он

имел личный опыт обучения в османских медресе в Стамбуле, Шаме, Хиджазе, Египте, а также в медресе Британской Индии. Он писал:

Оказалось, что дланью Всемогущего в мое сердце были посажены семена любви к религиозным наукам, в силу чего я потратил приблизительно десять лет в религиозных медресе Казани и Мавараннах-ра, ... около пяти лет путешествовал, последовательно посещая такие исламские края, как Турция, Египет, Хиджаз, Индия, Шам. Я останавливался в медресе этих стран на какое-то время. Я увидел все известные в тех краях религиозные медресе. Однако, я с великим огорчением обнаружил, что самой малой вещью в этих «великих религиозных медресе» являются религиозные дисциплины (Бигиев, 1907: 2).

Дабы не быть голословными, обратимся к воспоминаниям Бигиева о том, какое представление они получали о Коране и хадисах, в ходе обучения в медресе, которыми он поделился на страницах книги *«Әдәбият гарәбия илә голүм исламия»* (Арабская литература и исламские науки):

В те времена мы всерьез полагали, что Коран представляет собой сборник поминаний Аллаха, предназначенных для зачитывания в мечетях, на религиозных меджлисах, на кладбищах и в свободное время, для того, чтобы снискать Божье довольство. Мы считали, что хадисы представляют собой сентенции о различных жизненных ситуациях, применяемые в проповедях для пробуждения в мужиках хоть какой-то заинтересованности или для того, чтобы попросту запугать их. ... Хадис не преподавался. Тафсир не преподавался. По фикху не преподавалось ничего, кроме «Китаб ат-Талак» (Книга о расторжении брака), в которой лишь отчасти затрагивались вопросы межличностных отношений. Что касается истории, то не было ни всеобщей истории, ни истории ислама. Не было естественных наук (голүм табигыя) и математики. Что касается арифметики, то преподавались лишь четыре действия, необходимые для исполнения религиозных обязанностей (фарыз). Вот таковы были знания, даваемые в медресе. Выпускники наших религиозных медресе были полными невеждами (гафил) в том, что касалось высокой мусульманской учености и исламского интеллектуального наследия (эсар исламия) вообще (Бигиев, 1908 4–5).

Следующая цитата Бигиева подтверждает и даже иллюстрирует слова Айни, которые он сказал о людях, которые вопреки учебе в бухарских медресе умудрялись стать образованными людьми:

В каком бы только религиозном медресе я не оказался, по причине отсутствия мектебов и медресе со стройной системой преподавания религиозных наук, я, волей-неволей, в частном порядке посещал жилища местных факихов, мухаддисов и писателей, получая те уроки, которые считал для себя важными (Бигиев, 1907: 2).

Важно отметить, что Муса Бигиев обучался в медресе Мир-и Араб в те же годы, в которые там учился Садриддин Айни. Учитывая тот факт, что и Айни, и Бигиев были большими любителями арабской и персидской поэзии, они вполне могли знать друг друга, познакомившись на одном из поэтических вечеров, которые, как следует из воспоминаний Айни, во внеурочное время устраивали студенты, увлекающиеся литературой и поэзией. Данный факт свидетельствует о том, что татары, учившиеся в бухарских и других туркестанских медресе, осваивали персидский (таджикский) язык во многом именно на такого рода мероприятиях, а также в ходе живого общения с местным таджикским населением. Выше мы отмечали, что в бухарских медресе язык фарси не преподавался, как не преподавался и татарский язык в кадимистских медресе во внутренней России.

Подводя итог своим странствиям в поиске религиозных знаний, Бигиев написал следующие слова:

Вот таким образом я, в течение пятнадцати лет, учился в религиозных медресе исламских стран. Ни в одном из медресе я не смог найти религиозных наук на достаточном уровне. Я обнаружил, что занятия по Писанию, занятия по Сунне во всех медресе находились на одном, крайне низком уровне. В итоге, я вернулся на свою родину не удовлетворенным, но разочарованным (Бигиев, 1907: 2).

В другой книге Бигиев описывает опыт знакомства с исламским образованием в других странах и находит много общего в системах обучения в различных медресе:

Подчиняясь желанию выяснить это и положившись на Аллаха, я отправился в долгое путешествие по далеким странам и городам. Я побывал в Туркестане, Стамбуле, жил в Мекке и Медине, прошел вдоль и поперек Сирию, Индию и Египет. Я обнаружил, что имеющиеся в этих странах медресе очень похожи на те, что существуют у нас в России (Бигиев, 1908: 5).

Интересно, что Бигиев подробно разбирает не только проблемы традиционной, т.е. кадимистской, методологии образования, но критикует и ошибки обновителей-джадидистов, которые они, по его мнению, допускали при формировании новой методологии обучения в медресе:

Я увидел, что отдалившиеся от религиозных наук на тысячи фарсах¹⁸ приверженцы древней методологии отрицают и религиозные науки, и каждую необходимую науку; убедившиеся в бесполезности наших древних медресе приверженцы нового метода либо полностью отказываются от религиозных наук, либо, оставив занятия по религиозным наукам в их прежнем состоянии, претендуют на создание методологии только для занятий новыми науками (Бигиев, 1907: 3).

¹⁸ Фарсах – персидская мера длины; обычно представлен расстоянием, которое проходит караван до очередного привала и составляет приблизительно 5.5 км.

Описание Бигиевым и его современниками состояния дел в системе мусульманского образования представляет ценность тем, что оно имеет всесторонний характер и поднимает проблему кризиса мусульманского образования на уровень культурно-исторического и философского анализа, а сделанные им выводы имеют обобщающий характер. Осознание Мусой Бигиевым и другими татарскими интеллектуалами кризиса мусульманской образовательной системы, его природы, истоков и материального выражения, равно как и предложенные им способы решения накопившихся в этой важнейшей общественной сфере проблем сохраняют свою актуальность и в наши дни, характеризующиеся восстановлением и развитием мусульманских учебных заведений в Российской Федерации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

- Айни С.* Бухара: (Воспоминания). В 2-х кн. Кн. 1. Душанбе: Ирфон, 1981.
- Эл-Идриси Г.* Бохарада тэхсыйль // Сират-ы мөстэкыйм. 1909. № 59. Б. 111–112.
- Бигиев М.* Эл-Лөзүмийэт тәржемәсе. Казан, 1907.
- Бигиев М.* Эдәбият гарәбия илә голүм исламия. Казан, 1908.
- Бигиев М.* Халык назарына берничә мәсьәлә. Казань, 1912.
- Валиуллин Р.Н.* Татар мәктәп-мәдрәсәләрендә кулланылган гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). Казан, 2016.
- Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. Казань: Татгосиздат, 1941.
- Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадярах славянах и руссах Абу Али Ахмеда бен Омара Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон, профессор С. Петербургского университета. СПб., 1869.
- Исхаков Д.М.* Феномен татарского джадидизма: введение к социальному осмыслению. Казань: «Иман», 1997.
- Каюм Насыри: Эдәби-тарихи һәм документаль-биографик жыентык. Казан: Жыен, 2017.
- Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов. Казань: Га-сыр, 2007.
- Рахимкулова М.Ф.* Преподавание естественных наук в татарских школах дореволюционной России. Оренбург, 1998.
- Фәхретдин Р.* Тәржемәи хәлем. Казан: «Иман», 2009.

REFERENCES

- Ayni S. (1981) *Bukhara: (Memories)*. In 2 volumes. Vol. 1. Dushanbe. (In Russ.)
- Äl-Idrisi G. (1909) The education in Bukhara. *Sirat-i möstäqim* [The Straight Way]. No 59: 111–112. (In Ottom.-Tatar)
- Bigiev M. (1907) *Translation of Al-Luzumiyat*. Kazan. (In Ottom.-Tatar)
- Bigiev M. (1908) *Arabic literature and Islamic disciplines*. Kazan. (In Ottom.-Tatar)
- Bigiev M. (1912) *Several issues to people's attention*. Kazan. (In Ottom.-Tatar)
- Väliullin R.N. (2016) *Textbooks on the Humanities used at Tatar schools and madrasahs (late 19th century – early 20th century)*. Kazan. (In Tatar)
- Gorokhov V.M. (1941) *Reactionary school policy of tsarism towards the Volga Tatars*. Kazan. (In Russ.)
- The news about the Khozars, Burtases, Bulgarians, Madyars, Slavs and Russians by Abu Ali Ahmed Ben Omar Ibn Dast, A Hitherto unknown Arab writer of the early 10th century*. Publ., transl. and explained for the first time by Prof. D.A. Khvolson, at St. Petersburg University. St-Peterburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 1869. (In Russ.)
- Iskhakov D.M. (1997) *The Phenomenon of Tatar Jadidism: an introduction to social understanding*. Kazan. (In Russ.)
- Kayum Nasyri: Literary-historical and documentary-biographical collection*. Kazan, 2017. (In Tatar)
- Madrasahs of Kazan 19th – early 20th centuries: A collection of documents and Materials*. Kazan, 2007. (In Russ.)
- Rakhimkulova M.F. (1998) *Teaching of natural sciences at Tatar Schools of pre-revolutionary Russia*. Orenburg. (In Russ.)
- Fähretdin R. (2009) *My biography*. Kazan. (In Old Tatar)

Сведения об авторе: Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего отделом истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

About the author: Aidar G. Khairutdinov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 22.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised 3.07.2024

Принята к публикации / Accepted 14.08.2024